

Джон
Гришэм

ДЖОН
ГРИШЭМ

•
Пора убивать

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Г85

Серия «Гришэм: лучшее»

John Grisham
A TIME TO KILL

Перевод с английского Ю. Кирьяка

Серийное оформление и компьютерный дизайн Э. Кунтыш

Печатается с разрешения литературных агентств
The Gernert Company и Andrew Nurnberg.

Гришэм, Джон.

Г85 Пора убивать : [роман] / Джон Гришэм ; [перевод с английского Ю. Кирьяка]. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 640 с. — (Гришэм: лучшее).

ISBN 978-5-17-138740-2

Есть ли задача сложнее, чем добиться оправдания человека, который отважился на самосуд и пошел на двойное убийство?

На карту поставлено многое — жизнь мужчины, преступившего закон ради чести семьи, и репутация молодого адвоката, вопреки угрозам и здравому смыслу решившегося взяться за это дело.

Любая его ошибка может стать роковой, любое неверное слово может обернуться смертным приговором...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© John Grisham, 1989
© Перевод. Ю. Кирьяк, 2014
© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

ISBN 978-5-17-138740-2

Глава 1

Билли Рэй Кобб был чуть моложе своего товарища, такой же деревенщины, как и он, но чуть ниже его ростом. Отмотав трехлетний срок в Парчмэне, он в свои двадцать три года мог по праву считаться ветераном главной тюрьмы штата. Посадили его за хранение и попытку продажи наркотиков. Невысокого роста и довольно худой, он мог тем не менее постоять за себя. В тюрьме он умудрился выжить благодаря тому, что получал каким-то образом с воли все те же наркотики. Билли Рэй продавал их сокамерникам, а иногда просто делился ими с чернокожими и охраной, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Выйдя на свободу, он не оставил попыток добиться процветания, и уже через год прежний необременительный бизнес сделал Билли одним из наиболее состоятельных среди подобных ему жителей округа Форд. Билли стал настоящим бизнесменом: у него был штат служащих, были обязательства перед клиентами, он заключал сделки — словом, все как у людей. Вот только налогов он не платил. В Клэнтоне он прославился тем, что за последние несколько лет оказался единственным, кто купил новенький фордовский грузовичок за живые наличные деньги.

Шестнадцать тысяч долларов наличными за роскошный пикап, канареечно-желтый, сделанный на заказ, с приводом на четыре колеса. А шины с шипами, которым была не страшна любая грязь, и пижонские хромированные колпаки на колесах были предметом особой сделки. У заднего стекла кабины болтался конфедератский* флажок — Кобб стащил

* Конфедерация — южные штаты в Гражданской войне 1861—1865 гг. — *Здесь и далее примеч. пер.*

его у пьяного дружка на каком-то футбольном матче. Словом, пикап был любимой игрушкой Билли.

Сейчас Билли сидел на заднем борту с банкой пива, покуривая набитую травкой сигарету, и наблюдал за тем, как его приятель Уиллард — подошел его черед — развлекался с черномазой девчонкой.

Уиллард был на четыре года старше Билли, но все его движения были так медлительны, что выглядел он едва ли не стариком. В общем-то, Уиллард принадлежал к довольно безобидному типу людей, ни разу ему не пришлось побывать в серьезной переделке, ни разу никто не предложил ему настоящей работы. Может, ему и довелось провести пару-тройку ночей в полицейском участке, но в целом — ничего примечательного. Он называл себя резчиком древесины, однако боли в спине не давали ему возможности работать по специальности. Спину он повредил на одной из морских буровых где-то в Мексиканском заливе. Нефтяная компания выплатила очень неплохую страховку, которая почти вся ушла на бракоразводный процесс. В настоящее время Уиллард выполнял кое-какую временную работу для Билли Рэя Кобба, который платил, может, и немного, зато смотрел сквозь пальцы на такую человеческую слабость, как пристрастие к наркотикам. Впервые за долгие годы Уиллард имел более или менее стабильный заработок. Ведь чтобы жить, ему, помимо всего прочего, постоянно необходимо было нечто особенное — с того самого дня, как он повредил спину.

Девчонка казалась слишком маленькой для своих десяти лет. Она лежала на локтях, стянутых за спиной желтой нейлоновой веревкой. Ноги широко раскинуты в стороны: правая крепко привязана к молодому дубку, а левая — к тронутому гнильем покосившемуся столбу старой ограды. Гонка веревка впивалась в лодыжки, стирая нежную детскую кожу в кровь. Опухшее лицо тоже в крови, один глаз заплыл и ничего не видел, другой, полураскрытый, смотрел на сидящего на борту грузовика мужчину. У нее не было сил, чтобы повернуть голову и посмотреть на того, кто был сейчас на ней. Человек этот пыхтел, потел и страшно ругался. Он делал ей больно.

Закончив, мужчина шлепнул ее ладонью и громко захохотал. Другой мужчина тоже захохотал. Потом он спрыгнул с борта грузовика, и они оба стали кататься по траве и хохотать как безумные, время от времени издавая нечеловеческие вопли... Она отвернулась в сторону и негромко заплакала, изо всех сил пытаясь сдерживать себя. Ее уже били за то, что она кричала и плакала. Они сказали, что убьют ее, если она не будет вести себя тихо.

Когда мужчинам надоело смеяться, они взобрались на задний борт и уселись. Уиллард принялся стряхивать с себя траву и землю ее пропитавшейся потом и кровью майкой.

Протягивая ему банку извлеченного из холодильника пива, Кобб пожаловался на высокую влажность. Они сидели и смотрели, как вздрагивает в плаче девчонка, издавая негромкие странные звуки. Наконец она успокоилась. Банка в руках у Билли была наполовину пустой, да и пиво уже нагрелось. Размахнувшись, он швырнул банку в девчонку. Банка угодила ей в живот, залив его густой белой пеной и скатившись к другим валявшимся в пыли жестянкам, появившимся из того же холодильника. Из двух упаковок, по шесть в каждой, приятели доставали очередную банку, делали два-три глотка, а затем метали ее в свою жертву. У Уилларда с меткостью было неважно, зато Билли Кобб отличался завидной точностью. Не то чтобы они так уж не любили пиво, позволяя ему течь на землю, просто тяжелой банкой было легче угодить в цель, да и пена летела по сторонам так потешно.

Теплое пиво смешивалось с кровью; струйки бежали по лицу девочки, по шее, натекали в небольшую лужицу у нее под затылком. Но она продолжала лежать неподвижно.

Уиллард спросил Кобба, не кажется ли ему, что маленькая черная сучка уже сдохла. Открывая новую банку, Билли объяснил, что нет, негра обычно нельзя убить, всего лишь избив и изнасиловав. Если нужно избавиться от ниггера, тут требуется нечто более серьезное: нож, пистолет, веревка на худой конец. Хотя ему самому, добавил Билли, и не приходилось принимать участия в таком деле, он делил тюремную камеру с целой сворой черномазых, уж он-то знает

о них все. Они все время убивают друг друга, и каждый раз только с помощью какого-либо оружия. Те, кого просто избивали и насиловали, никогда не подыхали. Когда то же проделывали с белыми, то некоторые из них действительно отдавали богу душу. Но только не ниггеры. Они из другого теста.

Уиллард удовлетворенно кивнул и поинтересовался, что Кобб собирается делать теперь, когда девчонка им больше не нужна. Билли затянулся сигаретой, хлебнул из банки пива и не торопясь процедил, что она ему еще пригодится. Спрыгнув с борта, он неверным шагом направился к распростертому на земле ребенку. Остановившись рядом, он начал проклинать маленькую дрянь, приказывая проснуться. Плеснул холодным пивом ей в лицо, зайдясь при этом смехом умалишенного.

Приоткрыв глаз, она смотрела, как он обходит деревце, опускается у нее между ног на колени, не спуская взгляда с низа ее живота. Когда он начал расстегивать брюки, она повернула голову влево и вновь смежила веки. Он опять начал делать ей больно.

Вдалеке, между деревьями, она увидела чью-то фигуру: сквозь кустарник и заросли дикого винограда к ним продирался какой-то мужчина. Конечно же, это был ее папочка, он кричал, размахивал руками и отчаянно спешил к ней на помощь, спешил спасти ее. Она громко вскрикнула, призывая его, но он пропал. Девочка провалилась в темноту.

Когда она пришла в себя, один из ее мучителей спал, растянувшись на земле под кузовом пикапа, другой — на траве под деревом. Руки и ноги у нее совершенно онемели. Пиво, кровь и моча превратили сухую землю под ее маленьким тельцем в отвратительную жижу, которая издавала чавкающие звуки при малейшей попытке двинуться. Бежать, подумала девочка, но результатом почти нечеловеческих усилий было то, что она чуть сместилась вправо. Ноги оказались привязанными так высоко, что ее попка едва касалась земли. Мышцы затекли, и двигаться было практически невозможно.

Медленным взором она обвела заросли кустов в надежде увидеть папочку, негромко произнесла его имя. Подождала. И вновь провалилась в темную бездну.

Очнувшись вторично, она увидела, что двое ее мучителей уже на ногах. Тот, что был повыше, приблизился к ней с небольшим ножом в руке. Склонившись, он перерезал веревку сначала на левой ноге, затем на правой. Совершенно непроизвольно она скрючилась, как младенец в утробе матери, повернувшись спиной к ним.

Взяв кусок прочной веревки толщиной в четверть дюйма, Кобб перекинул один конец через сук дерева и подвижным узлом завязал на нем петлю. Затем, подойдя к девчонке, набросил эту петлю ей на шею. Развернулся, подошел к грузовику, уселся на заднем борту, держа в руке свободный конец веревки. Уиллард жадными затяжками курил травку, с любопытством наблюдая за Коббом. Билли выбирал обвисшую веревку и, когда она натянулась, сделал резкий рывок, который протащил маленькое тело по земле так, что девчонка оказалась прямо под суком. Она задыхалась и кашляла. Кобб заботливо ослабил натяжение веревки, даря этой чернушке несколько дополнительных минут. Спрыгнув с борта, он привязал свой конец веревки к бамперу и открыл новую банку пива.

Так они сидели на борту, прихлебывая пиво, лениво покуривая и не спуская глаз с девчонки. До этого большую часть дня они проторчали на озере, где у Кобба жил приятель с лодкой. Была обещана компания приятных девиц, которые не станут ломаться, однако на деле девушки оказались недотрогами и, несмотря на щедро выставленное Коббом пиво и настойчивые предложения покурить вместе травки, на контакт не шли. Потеряв всякую надежду на ответную пылкость, Билли с Уиллардом решили отвалить и довольно долгое время просто мотались по дорогам, пока совершенно случайно не наткнулись на эту девчонку. Она шла по усыпанной гравием обочине с полным пластиковым пакетом в руке, по-видимому, из овощной лавки. На редкость удачным броском Уиллард попал ей пивной банкой прямо в голову. Девчонка упала.

Сейчас Уиллард смотрел на нее красными остекленевшими глазами.

— Собираешься придушить ее? — спросил он Кобба.

— Нет, я уступлю это тебе, — чуть запнувшись, ответил Билли. — Идея была твоя.

Уиллард сделал глубокую затяжку, смачно сплюнул и проговорил:

— Как же, моя! Кто лучше тебя знает, как расправиться с ниггером? Так что давай.

Билли Рэй Кобб отвязал веревку от бампера, потянул. С толстой ветви вниз на девчонку полетели кусочки содранной коры вяза. Черномазый детеныш опять закашлялся, не сводя испуганных глаз с двух белых мужчин.

Внезапно ей послышался какой-то звук, как будто к ним, сигналив, приближалась машина. Мужчины тоже обернулись к покрытой гравием и высохшей грязью дороге, которая вела к проходившему в стороне шоссе. Выругавшись, они принялись торопливо действовать: закрыли борт, бросились к девчонке. Осыпая жертву и друг друга проклятиями, подтащили ее к грузовичку, на ходу срывая с детской шеи веревочную петлю. Затем ребенка перекинули через поднятый борт в кузов. Кобб вскочил на колесо, перегнулся, ткнул кулаком в измученное тело девочки и пригрозил, что, если она издаст хоть звук или попытается встать, он ее убьет. Правда, тут же чуть ли не ласково добавил:

— Будешь паинькой — отвезем домой, нет — приедем.

Она услышала, как хлопнули дверцы, машина тронулась. Домой, домой... Она потеряла сознание.

Кобб и Уиллард приветственно помахали руками водителю двигавшегося навстречу «файрберда», глушитель которого не мешало бы привести в порядок. Уиллард обернулся к заднему окошку, желая убедиться, что девчонка ведет себя как надо. Кобб вырулил на автостраду и прибавил газу.

— Ну, и что теперь? — нервно спросил его Уиллард.

— Не знаю, — таким же раздраженным голосом отозвался Билли. — Но что-то делать необходимо, и побыстрее, пока она не замазала кровью мне всю машину. И так пятна уже по всему кузову.

Открывая банку с пивом, Уиллард на мгновение задумался.

— Сбросим ее с какого-нибудь моста, — с достоинством предложил он, явно гордясь своей смекалкой.

— Отличная идея. Чертовски удачная мысль! — Кобб нажал на тормоза. — Достань-ка мне холодненького, — приказал он Уилларду, поспешившему выполнить просьбу своего босса.

— Даже холодильник извозила кровью, — доложил он, когда машина вновь тронулась.

Гвен Хейли чувствовала, что происходит нечто ужасное. Обычно она посылала за покупками кого-нибудь из мальчишек — у нее с мужем было трое сыновей, — однако отец наказал сегодня всех троих за какие-то провинности. Приговор гласил: вырвать на газоне вокруг дома все без исключения сорняки. А Тони еще до этого приходилось бывать в магазине, благо он располагался всего в миле от дома, и ни разу с ней не приключалось никаких недоразумений. После двух часов нервного ожидания Гвен все же решилась отправить мальчишек на поиски сестры. Может, она зашла к Паундерсам повозиться с их малышами? Или отправилась к своей лучшей подруге Бесси Пирсон, жившей за магазином?

Владелец магазинчика, мистер Бэйтс, сказал братьям, что Тони вышла от него с покупками около часа назад. Мальчишки отправились дальше. Они удалились на приличное расстояние, когда Джарвис, средний из братьев, увидел на обочине дороги пакет с выкатившимися из него овощами.

Гвен позвонила мужу, работавшему на бумажной фабрике, затем посадила в машину Карла Ли-младшего и начала колесить во всех направлениях по дорогам в районе магазина мистера Бэйтса. Они добрались до небольшого поселка, где в одной из старых рассыпающихся лачуг жила тетка; местность эта называлась Плантация Грэма. Они подъехали к лавочке под гордым названием «Бродвей» — в миле от «Бэйтса». Тони никто не видел. Не оставалось ничего иного, как продолжить поиски.

* * *

Билли никак не удавалось найти мост, на котором бы не было ниггеров с дурацкими удочками в руках. На каждом торчали по четыре-пять черномазых, все в соломенных шляпах, — перегнувшись через перила, они пялились на поплавики. Другие их собратья группами располагались под мостами на перевернутых ведрах — в тех же шляпах, с теми же удочками. Сидели неподвижно, как истуканы, только изредка поднималась чья-то рука, чтобы отогнать надоедливую муху или прихлопнуть комара.

Сейчас Билли был уже по-настоящему напуган. От Уилларда помощи ждать не приходилось: его совсем разморило. Перед Коббом стояла необходимость самому решить, как избавиться от девчонки, чтобы она никому не смогла проболтаться. А все время, что грузовик носился по дорогам и проселкам округа в поисках тихого местечка, где можно остановиться и засунуть куда-нибудь эту черномазую куклу без того, чтобы на тебя не обернулась дюжина соломенных шляп, — все это время Уиллард безмятежно похрапывал, развалившись на сиденье.

Билли бросил взгляд в зеркало заднего вида и заметил, что девчонка пытается подняться на ноги. Он резко нажал на тормоз, и она тут же свалилась к стенке кабины. Уиллард тоже сполз с сиденья, но храпеть не перестал. С ненавистью и отвращением Билли прошелся по адресу обоих.

Озеро Чатулла представляло собой гигантский искусственный мелкий пруд. Вдоль одного его берега протянулась покрытая зеленой травой дамба длиной в милю. Вообще-то озеро лежало в самой глуши — в юго-западной части округа Форд, на границе с округом Ван-Бюрен. В весенний период оно считалось самым крупным водным резервуаром штата Миссисипи. Однако к концу лета отсутствие дождей и нещадно палящее солнце превращали озеро просто в лужу. Впечатляющая весной береговая линия отступала, пятилась, образуя в конце концов нечто подобное болотцу с красновато-коричневой, отвратительной на вид жижей. Со всех сторон в озеро впадало бесчисленное количество ручейков, родничков, струек невесть откуда взявшейся воды и пара

ручьев побольше. Их размеры позволяли им называться чуть ли не реками. Столь разветвленная водная система потребовала возведения в прилегающем к озеру районе изрядного количества мостов и мосточков.

По ним-то и рыскал желтый пикап, пытаясь отыскать место, где можно выгрузить нежелательного пассажира.

Кобб начал приходить в отчаяние. Он знал, что неподалеку есть еще один мостик — узкий дощатый настил через ручей Туманный. Но еще издалека он и там заметил ненавистные соломенные шляпы с удочками. Не доезжая, он свернул на какой-то проселок, остановил машину. Опустил, выбравшись из кабины, задний борт, вытащил девчонку и швырнул ее в заросшую густым кустарником канаву.

Карл Ли Хейли не спешил домой. Он знал, как легко Гвен теряет голову. Уж сколько раз она звонила ему на работу, будучи в полной уверенности, что кого-то из детей похитили. Поэтому он сунул свой пропуск в устройство, отмечающее время ухода сотрудников не ранее установленного часа. Полчасовая дорога домой и на этот раз отняла у него ровно тридцать минут. Беспокойство охватило Карла Ли только тогда, когда он свернул с автострады на посыпанную гравием подъездную дорожку и увидел полицейский патрульный автомобиль, припаркованный напротив парадного крыльца их дома. А вдоль самой подъездной дорожки и по всему двору стояли машины родственников Гвен. Но одну из этих машин Карл Ли никак не мог опознать, у нее из бокового окна еще торчали бамбуковые удилища, а на сиденьях каким-то чудом сидело не меньше семи соломенных шляп.

А где же Тони и ребята?

Он потянул на себя ручку входной двери и тут же услышал плач Гвен. В небольшой гостиной какие-то люди обступили со всех сторон кушетку, на которой лежала маленькая фигурка ребенка. Девочка с ног до головы была завернута в мокрые полотенца. Некоторые из присутствовавших родственников плакали. Когда отец вошел в гостиную, всхлипывания смолкли, люди расступились, открывая проход к кушетке. Рядом с Тони оставалась только Гвен, она нежно водила рукой по волосам

дочери. Карл Ли, опустившись возле кушетки на колени, прикоснулся к плечу малышки, заговорил с ней, и девочка попыталась улыбнуться в ответ. Лицо ее представляло собой опухшую кровавую маску — в синяках, царапинах, глубоких ссадинах. Веки заплывших глаз опущены, в уголках — кровь. Отец не мог сдержать слез при виде дочери, чье беззащитное тельце пострадало, по-видимому, еще больше, чем лицо.

Карл Ли повернулся к жене, спрашивая, что произошло. Но с Гвен началась истерика, и ее, трясущуюся и пронзительно вопящую, отвел на кухню брат. Поднявшись с коленей, Карл Ли обвел взглядом толпящихся в гостиной людей и потребовал объяснить, что случилось с его дочерью.

Молчание.

Он задал вопрос в третий раз. Вперед вышел один из двоюродных братьев Гвен, Уилли Хастингс, заместитель местного шерифа, и сказал Карлу Ли, что какие-то люди, возвращаясь с рыбалки на Туманном ручье, увидели лежавшую прямо посреди дороги девочку. Тони смогла произнести имя своего отца, вот они и привезли ее сюда на машине.

Смолкнув, Хастингс устался на свои ботинки.

Карл Ли стоял и, не спуская с него глаз, ждал. В комнате воцарилась такая тишина, что казалось, люди, все как один опустившие головы вниз, перестали дышать.

— Что случилось, Уилли?! — громовым голосом прокричал Карл Ли.

Глядя в окно, Хастингс заговорил вновь. Он медленно выговаривал слова, повторяя все то, что Тони рассказала своей мамочке о двух белых мужчинах и их пикапе, о веревке, о деревьях, о том, как ей было больно, когда они ложились на нее.

Услышав сирену прибывшей «Скорой помощи», Хастингс замолчал.

Люди стали выходить из дома, они собирались в группки у крыльца и следили за тем, как санитары вытаскивают из машины носилки и спешат в дом к пострадавшей.

Однако, не пройдя и половины расстояния, отделявшего машину «Скорой» от двери дома, они вдруг остановились. Прижимая девочку к груди, Карл Ли сам вышел на крыльцо.

Он что-то шептал дочери, а по лицу его катились крупные слезы. Через заднюю дверцу он забрался в карету «Скорой помощи», следом сели санитары, захлопнули дверцу и осторожно забрали из его рук ребенка.

Глава 2

Оззи Уоллс был единственным в штате Миссисипи чернокожим шерифом. Время от времени такое случалось и раньше, однако в настоящий момент на всей территории штата другого шерифа-негра не существовало. Осознание этого факта наполняло Оззи чувством гордости, тем более что семьдесят четыре процента жителей округа Форд были белыми, а те из его собратьев, кто в прошлом удостоивался такой чести, жили в местностях, где процент черного населения был гораздо выше. Чтобы черномазого избрали шерифом в белом округе в штате Миссисипи — да такого не бывало со времен Реконструкции!* Оззи Уоллс здесь родился и вырос, он приходился родственником чуть ли не каждой черной семье и успел также породниться кое с кем из белых. В конце шестидесятых, уже после десеграциации, в местном колледже в Клэнтоне была создана первая смешанная группа студентов: черным разрешили учиться вместе с белыми. В этой-то группе и учился Оззи. Он сходил с ума от футбола и хотел играть в своей команде, но, поскольку в ней уже играли двое черных, ему пришлось выступать, и причем блестяще, за команду соседей полузащитником, однако поврежденное в одном из матчей колено вынудило его вернуться к занятиям в колледже. В настоящее время Оззи чертовски скучал по футболу, но зато наслаждался положением полновластного шерифа. Особенно остро он чувствовал свою исключительность во время выборов — когда получал «белых» голосов больше, чем его белые противники. Мальчишки из белых семей любили его за то, что когда-то он был футбольной звездой, его показывали

* Так называлась реорганизация южных штатов после Гражданской войны (1867—1877 гг.).